

Судьба петербургских немцев в осажденном Ленинграде

Сюзанна Браммерло

Эту статью я написала в прошлом году для каталога выставки «Немцы в Петербурге», которая развернута в одном из помещений лютеранской Петрикирхе на Невском проспекте. Сейчас на основе этой статьи и собранного документального материала готовится стенд на эту тему.

Судьба петербургских немцев в осажденном Ленинграде до сих пор не являлась темой для исследований историков. Долгие годы идеологические препятствия закрывали дорогу к изучению этого вопроса. Но специфика темы такова, что и сегодня, когда внешние запреты исчезли, изучать ее весьма трудно. По сложившимся историческим обстоятельствам, документальных свидетельств почти нет, и в основном я использовала личные воспоминания свидетелей того времени, а это люди уже преклонного возраста. А их судьбы таковы, что вспоминать то время им весьма тяжело. Я думаю, что в ходе моего доклада вы поймете, в чем состоят научные и психологические трудности изучения этого вопроса. Может быть, вначале будут давно вам известные детали, но мне кажется, что они уместны для того, чтобы очутиться «там» и заново пережить то жуткое время.

История блокады Ленинграда войсками немецкого вермахта, несомненно, является самой трагической страницей в богатой перипетиями истории Петербурга. С сентября 1941 по январь 1944 года город был отрезан от Большой земли и подвергался воздушным налетам и артиллерийскому обстрелу. Немцы стояли на Пулковских высотах на юге города и сквозь телескопы наблюдали за малейшими движениями на улицах. Однако им не удалось взять город. Беспримерная стойкость ленинградцев остановила военную машину Гитлера, привыкшую быть победителем везде, где появлялась. В конечном счете, город оказался сильнее нее.

Во время блокады погибло около миллиона человек, большая часть из них умерла в первую голодную зиму 1941/42 года, когда норма выдачи хлеба опустилась до 125 граммов в день. Зима выдалась необыкновенно холодной, к лишениям от голода прибавился холод, перестало работать отопление, замерз водопровод. Воду брали из прорубей на реках и каналах, в «буржуйках» жгли все, что было под рукой. В комнатах царил минусовая температура, люди накрывались всеми доступными теплыми вещами, но все равно мерзли, ибо внешний холод усиливался внутренним, исходящим из голодного тела. Люди умирали тысячами, на кладбища их отвозили на детских саночках. Там взрывали замерзшую землю для братских могил. Трупы неделями лежали в квартирах, потому что не хватало сил их отвозить. К тому же родственники пользовались продуктовой карточкой умершего до конца месяца, и поэтому смерть часто скрывали. Таким образом, мертвые часто спасали жизнь тем, кто оставался в живых.

В этой схватке не на жизнь, а на смерть (целью Гитлера было уничтожение Ленинграда, если даже была бы предложена сдача города, то ее не приняли бы), позиции были ясны. Там, на подступах к городу стоял немец, «фриц», здесь, в городе, советское население защищало свою жизнь и свою среду обитания. Но все было не так просто. В осажденном городе также были немцы - потомки тех петербургских немцев, которые не одно поколение жили в Петербурге, которые, начиная со времен основания города в 18 веке, приезжали по приглашению царей или по собственной инициативе и оставались навсегда.

До революции немцы составляли немалую часть населения Петербурга, они были важной составляющей его мультиэтнического облика. Но после начала Первой мировой войны, и тем более после революции 1917 года, многие немцы покинули Петроград. Как и все другие народности, в 20-х и особенно в 30-х годах те, кто остался, подвергались многочисленным запретам, репрессиям и преследованиям, что достигло апогея в произвольных и неоправданных арестах 1937 и 1938 годов. Терезия Шмидт, которая родилась в 1914 году в немецкой колонии в Колпине, вспоминает, что все в колонии разговаривали исключительно на немецком языке, что существовали немецкие школы и немецкая церковь. Только после начала репрессий появился страх говорить по-немецки, даже дома. Многие из колонистов не знали русского языка и вынуждены были его выучить с нуля, потому что стало опасно общаться на немецком языке.

Трудно сказать, сколько еще немцев проживало в Ленинграде к началу войны. Репрессии 30-х годов привели к тому, что многие немцы стали скрывать свою истинную национальность, что перестали говорить на родном языке и даже своим детям не раскрывали свою идентичность. Таким образом, многие потомки петербургских немцев, которые во время блокады еще были детьми, говорят о том, что они ничего не знали о своей национальности, что они о ней узнали только спустя много лет. В составленном Валентиной Коробовой и опубликованном в самиздате сборнике воспоминаний петербургских немцев «Мы это пережили» (СПб., 1994 год) бросаются в глаза яркий патриотизм и желание защищать город от фашистских врагов. Эти дети блокады ничем не отличаются от своих русских сверстников.

У участников блокады постарше это было немного иначе. Терезия Шмидт, например, надеялась, что, если немцы победят советский режим, ее муж, который был арестован в апреле 1937 года, выйдет на свободу. Она тогда еще не знала, что он был расстрелян еще в июне 1937 года, и все еще надеялась на его возвращение. Мысли такого рода, вероятно, посещали многих российских немцев, которые подвергались преследованиям 30-х годов, но в течение войны эти иллюзии сменились жестоким разочарованием, так как поведение оккупационных и осаждающих войск показали совсем другое. Карин Миклухо-Маклай (рожд. Раушенбах, родилась в 1916 году в Петрограде) ничего не ожидала от прихода немцев в город, но и не боялась этого, потому что была уверена, что ей, как немке, ничего не грозит. Она не желала оккупации города немцами, потому что боялась за своих русских родственников. Но как у немки у нее были страхи, неведомые её русским согражданам. Со своей семьей она жила в большой коммунальной квартире недалеко от Исаакиевского собора. Когда начались бомбежки, все соседи стали ходить в бомбоубежище, а она с полугодовалым сыном оставалась в квартире, потому что ей было тяжело находиться в подвале с младенцем. Однажды за окном она увидела

разноцветные сигнальные ракеты, которые во время налетов поднимались над городом. Потом до нее дошли слухи, что это немцы в Ленинграде запускают ракеты, чтобы указать завоевателям путь. Она боялась, что будут подозревать и ее, потому что она не спускалась в бомбоубежище.

Жизнь петербургских немцев в осажденном городе ничем не отличалась от жизни их русских сограждан. Продовольственные карточки и нормы выдавались всем одинаково, условия жизни были для всех невыносимы в равной мере. Первую, самую страшную блокадную зиму все пережили в тех же мучительных условиях. По словам мною опрошенных людей, не было враждебного отношения русского населения по отношению к их немецким согражданам.

Весной 1942 года многие петербургские немцы были высланы из города за 24 часа. Терезия Шмидт попала на Дальний Север, а оттуда в Сибирь. Только в 1970 году она смогла вернуться в Ленинград. Карин Миклухо-Маклай сообщает, что после высылки она оказалась на Алтае, где работала геологом. То обстоятельство, что она была признанным специалистом, спасло ее от лагеря, куда ее, как немку, хотели отправить. В 1946 году она смогла вернуться в Ленинград только потому, что ее муж, который был известным геологом и русским по национальности, вызвал ее. У ее матери были большие трудности с возвращением, так как в паспорте она значилась как немка. Она родилась в Эстонии, что позволило ей получить свидетельство о том, что она эстонка. Но прописаться в Ленинграде по старому адресу ей не удалось, потому что чиновница в паспортном столе знала ее еще до войны как немку. Так что ей пришлось прописаться по чужому адресу.

Едва ли возможно представить себе, что петербургские немцы переживали в эти годы умом и сердцем. Бесчеловечные испытания блокады были так страшны сами по себе, что порой удивляешься, как люди вообще пережили блокаду и после нее смогли жить дальше. Для немцев в городе это был двойной вызов. Валентина Коробова: «А что могли чувствовать те немцы, которые вместе с Россией переживали ее трудные дни? Оттенки их переживаний особенные – враг, который напал на их страну – это их кровные братья; лишения и беды, которые выпали на долю российских немцев, те же, что и для других народов, но еще и более того. Невозможно даже представить себе, что испытывали и морально, и физически в жуткие военные годы взрослые российские немцы». В разговорах со свидетелями этих событий чаще всего не последует ответа на эти вопросы. Скорее всего, нельзя выразить словами то, что испытывает человек, родине которого угрожает смертельная опасность со стороны представителей того народа, на языке которого он разговаривает, и чьи традиции и обычаи живы в нем. Который в осаде, которому грозит смерть от рук представителей своего же народа. Но все же не своего народа, потому что петербургские немцы уже стали органичной частью того общества, в котором они жили. Большинство из них никогда не были в Германии, и имели лишь туманные представления о той стране, которую их предки покинули в большинстве своем много, много лет назад.

В этом психологическом дуализме и скрывается трагика существования петербургских немцев в их родном осажденном городе. Они были ленинградцами, выросшими здесь и сроднившимися с городом и его русским населением. Но они были и немцами, и хотя они были далеки и отделены от страны своего происхождения, они оставались частью ее

культуры. Валентина Коробова пишет о том, как трудно даются воспоминания тем, кто пережил блокаду: «Это отражение той глубокой внутренней борьбы чувств, эмоций и разума, которая возникает уже теперь из-за сложного сочетания – немцы в России, в блокадном Ленинграде, страдающие от бомбежек, обстрелов, голода и холода, как и все жители Ленинграда, как и русские. Эти страдания причиняют им их же братья по крови – немцы из фашистской Германии. А с другой стороны – они немцы и поэтому несут ответственность за все эти страдания перед народом России, Ленинграда, но многие только за принадлежность к немецкой нации были подвергнуты преследованиям».

Создается впечатление, что это существование на ничейной полосе. Родная страна осуждала российских немцев за то, что они были другими, и подвергала их репрессиям, а страна происхождения осудила их на голодную смерть.

Другим видом психологической нагрузки для ленинградских немцев являлись их родственники в Германии. У Карин Миклухо-Маклай в Германии жили дядя, тетя и несколько племянников и племянниц. Когда в 30-е годы начались репрессии, перестали переписываться для того, чтобы не навредить друг другу. Через много лет выяснилось, что кто-то из племянников действительно воевал на Восточном фронте. Когда, в начале войны, ее муж ушел на фронт добровольцем, одной из первых мыслей было: «Он будет воевать против моих родственников». Татьяна Максимова (Андреева-Сакэ), которая 12-13-летней девочкой жила в блокадном Ленинграде, только много лет спустя узнала, что ее дядя Эдгар Сакэ, который жил в Германии, был среди немецких завоевателей в Гатчине (см.: Татьяна Максимова. Воспоминания о блокаде. С.-Петербург, 1997 год, стр. 6. На нем. языке – *Erinnerungen an die Blockade*).

До какой степени петербургские немцы чувствовали себя едиными со своей российской родиной, выясняется тогда, когда мы читаем воспоминания Андрея Чернова: «Бабушка моей жены, Ольга Павловна Бекер, петербургская немка, пережила блокаду. Она на немецком языке молилась за жизнь защитников Ленинграда» (в книге: *Blockade. Leningrad 1941-1944. Reinbek bei Hamburg 1992*, стр. 194.).

И есть также свидетельства сочувствия к немецким пленным, которых еще во время блокады вели по городу. Эльвира Трабер в уже упомянутом сборнике воспоминаний описывает, как она в начале 90-х годов в районе Нарвских триумфальных ворот познакомилась с немецкими туристами, которые искали ту улицу, где они после войны работали на восстановлении города. Эта встреча напомнила ей весну 1945 года, когда они с одноклассниками отдавали свой скудный паек немецким пленным, которых каждый день вели мимо их школы, хотя сами дети всегда оставались голодными. Когда она бежала рядом с пленными, все вспоминала своего отца, которого, как немца, выслали. Она даже не знала, где он тогда находился. Она боялась, и своим подругам говорила, что отца зовут не Иоанн, а Иван. О сочувствии к измученным, голодающим немецким пленным свидетельствуют многие воспоминания участников блокады. Здесь играет роль не национальность, а присутствие беды и страданий, которые только что пережили сами, и которые снимают все границы между своими и врагами.

Сейчас я хочу вам показать те книги, из которых я брала цитаты или почерпнула информацию. «Мы это пережили» – этот сборник появился стараниями петербургской немки Валентиной Коробовой. Вокруг нее, начиная где-то с 1993 года, стали собираться «немецкие дети блокады». В преддверии 50-летнего юбилея Победы в 1995 году она

попросила их записать свои воспоминания и в самиздате выпустила этот сборник. У меня ксерокопия, потому что книга была напечатана только для членов этого маленького, неофициального общества. Они и сейчас собираются у нее на квартире, отмечают памятные даты: 8 сентября (начало блокады в 1941 году), 18 января (разрыв блокадного кольца в 1943 году) и 27 января (снятие блокады в 1944 году). Валентина Анатольевна продолжает собирать воспоминания и намерена опубликовать этот сборник в Германии, что пока не получается.

Вторая книга – это «Erinnerungen an die Blockade» Татьяны Максимовой. Она была выпущена в 1997 году в издательстве «Вестника» («Der Bote»), журнала лютеранских общин, которое находится в той же Петрикирхе у нас в Петербурге. Здесь интересен религиозный подход к теме, ее христианское осмысление. Татьяна Максимова в 1995 году выступила со своими воспоминаниями о блокаде в одной гимназии города Висбадена на занятиях по религии. Особо ценны, по-моему, отклики немецких школьников, потому что я знаю по собственному опыту, что в Германии очень мало знают об истории блокады.

Цитату бабушки Андрея Чернова, которая на немецком языке молилась за защитников Ленинграда, я взяла из книги «Blockade. Leningrad 1941-1944», изданной в Гамбурге в 1992 году. Она тесно связана с документальным фильмом Томаса Куфуса «Блокада», который он снимал в 1991 году. Здесь приводятся уникальные фотографии – о жизни в блокадном городе, точнейшие снимки Ленинграда с воздуха, сделанные летчиками Вермахта. Эта книга честно и беспощадно показывает (и в текстах, и в снимках) голую правду о блокаде. С Терезией Шмидт и Карин Миклухо-Маклай я беседовала после богослужения в Петрикирхе. Там, при «Русско-немецком Центре встреч», собирается «кружок сеньоров», в который входят бывшие дети блокады. На встречах они обмениваются воспоминаниями и отмечают памятные даты блокады и Победы.

Текст доклада, прочитанного 26 сентября 2000 года в Мамонтовке под Москвой на семинаре Образовательно-информационного центра (Bildungs- und Informationszentrum) BIZ об истории Российских немцев.